

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА ТРЕТЕЙСКОГО СУДА В ЮРИСДИКЦИОННОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2022 г. Е. В. Виноградова*, Е. В. Михайлова**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: evsfrf@gmail.com

**E-mail: e.v.mihailova@bk.ru

Поступила в редакцию 15.10.2021 г.

Аннотация. В статье содержится теоретический анализ доктринальных и законодательных основ третейского разбирательства в Российской Федерации, а также правового статуса третейского суда в системе защиты нарушенных или оспоренных гражданских прав. Исследование авторы начинают с описания существующих способов защиты права. Третейский суд отнесен законодателем к числу субъектов, осуществляющих правовую защиту и фактически приравнен по своему правовому положению к государственным судам. Несмотря на бесспорную частноправовую природу третейского суда, он исторически был и остается единственным признанным государством субъектом частного права, чьи решения подлежат, при необходимости, принудительному исполнению. Помимо этого ставшее обязательным для сторон правового конфликта решение третейского суда является основанием для отказа в принятии искового заявления, поданного в государственный суд и содержащего тождественное уже рассмотренному третейским судом требование. Поэтому можно утверждать, что третейское разбирательство представляет собой единственную альтернативу государственному судопроизводству (в отличие от медиации и всех прочих АРС). Показано отличие третейского разбирательства от медиации и иных внесудебных примирительных процедур. Проанализирован вопрос соотношения третейских судов и религиозных судов, а также иных общественных организаций, предоставляющих услуги по разрешению и урегулированию конфликтов в социальной сфере. Сделан вывод об исключительном положении третейских судов, не позволяющих отнести к ним религиозные суды и иные общественные организации.

Ключевые слова: третейский суд, третейское разбирательство, защита права, медиация, религиозный суд, общественное правосудие, решение третейского суда.

Цитирование: Виноградова Е. В., Михайлова Е. В. (2022). Формирование правового статуса третейского суда в юрисдикционной системе Российской Федерации // Государство и право. 2022. № 1. С. 83–90.

DOI: 10.31857/S102694520018275-3

FORMATION OF THE LEGAL STATUS OF THE ARBITRATION COURT IN THE JURISDICTIONAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

© 2022 E. V. Vinogradova*, E. V. Mikhailova**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: evsfrf@gmail.com

**E-mail: e.v.mihailova@bk.ru

Received 15.10.2021

Abstract. The article contains a theoretical analysis of the doctrinal and legislative foundations of arbitration proceedings in the Russian Federation, as well as the legal status of the arbitration court in the system of protection of violated or disputed civil rights. The authors begin their research with a description of the existing methods of protecting rights. The arbitration court is referred by the legislator to the number of subjects exercising legal protection and is actually equated in its legal status with state courts. Despite the indisputable private law nature of the arbitration court, it has historically been and remains the only state-recognized subject of private law, whose decisions are subject to compulsory execution, if necessary. In addition, the decision of the arbitral tribunal, which has become binding on the parties to a legal conflict, is the basis for refusal to accept a statement of claim filed with a state court and containing a claim that is identical to that already considered by the arbitral tribunal. Therefore, it can be argued that arbitration is the only alternative to state legal proceedings (as opposed to mediation and all other ADRs). The difference between arbitration proceedings and mediation and other out-of-court conciliation procedures is shown. The issue of the correlation between arbitration courts and religious courts, as well as other public organizations providing services for the resolution and settlement of conflicts in the social sphere, has been analyzed. The conclusion is made about the exceptional position of arbitration courts, which do not allow attributing religious courts and other public organizations to them.

Key words: arbitration court, arbitration proceedings, protection of rights, mediation, religious court, public justice, decision of the arbitration court.

For citation: Vinogradova, E.V., Mikhailova, E.V. (2022). Formation of the legal status of the arbitration court in the jurisdictional system of the Russian Federation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 83–90.

Уникальность правового статуса третейского суда заключается в том, что это важнейший правовой инструмент саморегулирования гражданского общества. Он отделен от государства, но вместе с тем оно поддерживает и при необходимости приводит в исполнение его решения, содействует третейскому разбирательству в различных формах. Наличие института третейского разбирательства в правовой системе Российской Федерации – один из признаков устойчивого демократического строя. Нельзя не согласиться с мнением, высказанным О. Ю. Скворцовым о том, что «государство заинтересовано в укреплении инструментов саморегулирования как эффективных инструментов общественного управления»¹. В различные исторические периоды отечественное законодательство признавало третейский суд самостоятельным элементом юрисдикционной системы, и в большей или меньшей степени регулировало третейское разбирательство и принудительное исполнение решений третейских судов. Принцип законности, пронизывающий все отрасли права, обуславливает, что лица, в той или иной степени обеспечивающие вынесение правосудных актов, связаны Конституцией РФ и иными правовыми актами, поэтому большое значение имеет теоретический анализ правовых основ третейского судопроизводства. Здесь важно учитывать правовую позицию Конституционного Суда РФ, который в одном из своих решений² указал, что специфика юридической

природы третейского разбирательства, предполагает, что принимаемое третейским судом от своего имени решение обязательно для сторон на основе добровольного исполнения.

Существование третейских судов предопределено тем, что вопросы защиты нарушенного права в юридической науке относятся к важнейшим. Собственно, если бы нарушенное право не предполагало возможности его защиты и принудительного исполнения, в существовании самой этой категории вообще не было бы нужды. Нарушение права вызывает потребность в его защите, а также ставит перед правоприменителем вопрос о порядке обращения за ней.

Традиционно считается, что существует три способа защиты нарушенных прав. Их выделяли еще ученые Российской Империи. Как писал Е. В. Васильевский, «самым простым и естественным представляется на первый взгляд самостоятельное осуществление своих прав с применением, в случае надобности, физической силы, т.е. *самопомощь*. <...>. Другой способ состоит в том, чтобы спорящие избрали по взаимному оглашению постороннее лицо, которому они оба доверяют, и попросили его решить, кто из них прав, обязуясь подчиниться его решению. Это так наз. *третейский*

¹ Скворцов О. Ю. О конституционных основаниях рассмотрения третейскими судами и международными коммерческими судами споров с публичным элементом // Вестник СПбУ. Сер. 14. 2011. Вып. 2. С. 76.

² См.: постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности

положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона “О третейских судах в Российской Федерации”, статьи 28 Федерального закона “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним”, пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона “Об ипотеке (залоге недвижимости)” в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 23, ст. 3356.

суд. <...>. Третий способ – обращение к помощи государственной власти»³.

В то же время исследователи отмечают, что не лишены аргументов сомнения некоторых ученых в функциональной необходимости существования такого вида разбирательства. В частности, Г.Ф. Шершеневич приводит мнение А.И. Вицына, который анализировал проблемы юрисдикционности третейских судов, о том, что «третейский суд – первобытная форма суда», у которого вряд ли есть будущее⁴.

По мнению Е.А. Нефедьева, различие между мировым соглашением и разрешением дела третейским судом заключается в том, что «при окончании дела миром стороны сами вырабатывают те условия, на основании которых устанавливаются дальнейшие отношения между ними; при разрешении же спора третейским судом стороны, по взаимному согласию, передают спор на разрешение третейских судей, а потому условия для дальнейших отношений вырабатываются этими судьями, причем эти условия получают обязательную силу для сторон со времени объявления своего решения третейским судом»⁵.

Следует отметить, что в рассматриваемый исторический период исследователи часто именовали третейских судей «посредниками». Например, знаменитый ученый-процессуалист А.Х. Гольмстен писал так: «Если стороны более доверяют частному лицу, чем коронному судье, то им должно быть дано право входить между собою в соглашение, по силе которого данный спор их должен быть разрешен избранным ими посредником, хотя бы спор находился уже на рассмотрении государственного суда. Посредник этот называется третейским судьей, соглашение же сторон между собою и между ними и посредником – третейским договором или записью»⁶.

При этом в условиях нынешнего правового регулирования такой подход будет, конечно, неверным. Правовой статус третейского судьи кардинально отличается от правового положения посредника, в т.ч. медиатора. Прежде всего они различаются по цели и задачам своей деятельности. Третейский суд, как и государственный, должен разрешить правовой конфликт по существу, определив истинного правообладателя и нарушителя права, т.е. обязанное лицо. Посредник не решает спор, а урегулирует его, способствуя

заключению сторонами соглашения о примирении на взаимовыработанных, добровольно определенных условиях. Соответственно этому, различны их задачи: третейский суд рассматривает переданные ему сторонами дела в особой процессуальной форме, способствующей выяснению всех обстоятельств дела, реализуя при этом соответствующие полномочия. Посредник присутствует при переговорном процессе спорящих сторон, предоставляет им консультации, предлагает различные варианты условий примирения, но властными полномочиями не обладает, а его распоряжения обязательными для участников дела не являются. В-третьих, решение третейского суда, в случае выдачи на него государственным компетентным судом исполнительного листа, приобретает публично-правовые черты и подлежит, при необходимости, принудительному исполнению. Соглашение о примирении, заключенное вне суда при участии посредника, публично-правовых черт не приобретает, сохраняет свою частноправовую природу, а в случае неисполнения одной стороной его условий требование другой стороны подлежит рассмотрению в суде в общем, исковом, порядке.

Е.В. Васьковский решение третейского суда называл одним из «суррогатов судебного решения», отмечая, что оно имеет одинаковую силу с «решениями судебных мест», и исполняется одинаково с судебным решением⁷.

В СССР законодательство о третейских судах было представлено Приложением № 3 к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР 1964 г., которое называлось «Положение о третейском суде». Основы гражданского законодательства в ст. 6 закрепляли, что гражданские права наряду с судом и арбитражем защищаются и третейским судом. В комментариях ученых того времени указывалось, что суды должны разъяснять гражданам возможность обращения в третейский суд. Положение не предусматривало существование постоянно действующих третейских судов, а также рассмотрения третейскими судами споров с участием организаций. Авторы писали, что «третейский суд – суд, избранный по соглашению сторон. Сущность третейского разбирательства состоит в том, что спорящие стороны избирают третьих лиц, которым доверяют разрешение спора. Это значит, что стороны заранее обязуются подчиниться решению третейского суда»⁸.

Таким образом, третейское разбирательство продолжало оставаться самостоятельным (частноправовым) способом защиты нарушенных прав,

³ Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 2.

⁴ См.: Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права в России. Казань, 1893. С. 77.

⁵ Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства. 3-е изд. М., 1908. С. 342.

⁶ Гольмстен А. Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. 5-е изд., испр. и доп. СПб., 1913. С. 154.

⁷ См.: Васьковский Е. В. Учебник гражданского права. СПб., 1894. Вып. 1. Ведение и общая часть. С. 168, 169.

⁸ Научно-практический комментарий ГПК РСФСР / под ред. Р. Ф. Каллистратовой, Л. Ф. Лесницкой, В. К. Пучинского. М., 1976. С. 572.

а правовое положение третейского суда, как и ныне, приравнено к государственным судам (арбитражным и общей юрисдикции).

Необходимо отдельно остановиться на вопросе соотношения правового статуса третейского суда и религиозных судов, а также различного рода общественных организаций, которые занимаются рассмотрением и урегулированием различных конфликтов.

Прежде всего отметим, что советские ученые часто ставили на один уровень третейские суды и товарищеские суды, а также «подобные органы, которые могут разбирать вопросы бытового, морального характера и т.п.»⁹.

Ключевым понятием при решении вопроса о том, имеют ли общественные и религиозные суды ту же природу, что и суды третейские, является понятие «правового конфликта». В Российской Федерации, как и подавляющем большинстве других государств, судебной защите подлежат именно юридические права, а судебному рассмотрению — только правовые конфликты. Иными словами, суд не примет к производству заявление, в котором содержится требование, не регулируемое правовыми нормами — например, связанное с дружескими, любовными отношениями, иными бытовыми, социальными, не регулируемые правовыми нормами взаимоотношениями людей. Не случайно в нормах процессуального законодательства прямо закреплено, что в исковом заявлении необходимо указать нарушенное право, а в Арбитражном процессуальном кодексе РФ закреплено требование к заявителю также сослаться на конкретную правовую норму, закрепляющую нарушенное право, и положения законов, регулирующих спорное правоотношений. Аналогичное требование обращено к прокурору, возбуждающему гражданское дело.

О различиях между бытовыми и правовыми отношениями писали многие теоретики права. Так, Н.М. Коркунов отмечал, что «человеческая жизнь складывается из ряда самых разнообразных отношений к другим людям. Сами по себе эти отношения имеют чисто фактический характер, представляя собою фактическую зависимость и основанную на ней фактическую же возможность воздействовать друг на друга. Но насколько люди в своей деятельности руководятся юридическими нормами, это приводит к превращению фактических отношений в юридические, фактической зависимости — в юридическую обязанность, фактической возможности воздействия — в право, правомочие»¹⁰.

⁹ Научно-практический комментарий ГПК РСФСР / под ред. Р.Ф. Калистратовой, Л.Ф. Лесницкой, В.К. Пучинского.

¹⁰ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 178.

Я.С. Явич писал, что «всякое правоотношение в конечном счете направлено на урегулирование и закрепление фактического общественного отношения: речь может идти лишь о различной степени удаленности правоотношения от опосредованного им фактического общественного отношения»¹¹.

Д.М. Чечот указывал, что «нормативный характер права является его существенной чертой, позволяющей отграничить право как объективно существующее явление общественной жизни от смежных, но не тождественных праву явлений»¹².

Таким образом, юридические правоотношения и, соответственно, юридические (правовые) конфликты следует отграничивать от неправовых, т.е. не регулируемых правовыми нормами, иных бытовых, общественных отношений.

Принцип законности, пронизывающий все отрасли российского законодательства, «представляет собой такое правило, согласно которому судьи при осуществлении правосудия связаны Конституцией РФ и законами, а также действующими правилами судопроизводства»¹³.

По меткому выражению В.Г. Графского, следует говорить о «законной справедливости», которая предстает в форме надлежащей процедуры правового общения¹⁴.

Третейские суды, в отличие от всех прочих общественных и религиозных организаций, наделены правом рассмотрения именно правовых конфликтов. И наоборот: никакие общественные органы и организации не могут рассматривать правовые конфликты. Даже если они разрешат правовой конфликт и вынесут по нему решение, оно будет ничтожным и правовых последствий не повлечет.

Напротив, общественные и религиозные организации могут рассматривать конфликты, не урегулированные правовыми нормами. Запрета на это нет. При этом все принимаемые ими решения по таким делам будут подлежать исключительно добровольному исполнению. Но нужно иметь в виду и то, что деятельность указанных организаций в плане разрешения конфликтов может носить и противоправный характер: например, в выносимых ими решениях могут содержаться призывы

¹¹ Явич Я.С. К вопросу о предмете и методе правового регулирования // Вопросы общей теории советского права. М., 1960. С. 58 (цит. по: Чечина Н.А. Избр. труды по гражданскому процессу. СПб., 2004. С. 85).

¹² Чечот Д.М. Избр. труды по гражданскому процессу. СПб., 2005. С. 11.

¹³ Арбитражный процесс: учеб. / отв. ред. В.В. Ярков. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 211.

¹⁴ См.: Графский В.Г. Принципы законности и справедливости в истории законодательства России и западноевропейских государств // Труды ИГП РАН. 2019. Т. 14. № 6. С. 15.

к совершению преступлений (причинению физического насилия, даже совершению убийства, разжиганию межрелигиозной ненависти и т.д.). В научной литературе отмечают, что в предшествующие периоды, например, шариатские суды, рассматривая дела об убийствах, устанавливали наказания вплоть до смертной казни, а наиболее распространенным видом наказания было избивание плетью, розгами, а также «наказание словом»¹⁵.

Поэтому идеи о включении каких-либо иных, помимо государственных и третейских судов, органов и организаций в систему защиты прав вызывают сомнения.

Решение третейского суда, ставшее обязательным для сторон рассмотренного им конфликта, является правопрепятствующим фактом: суд откажет в принятии искового заявления, содержащего тождественное требование. Именно поэтому третейское разбирательство есть альтернатива государственному судопроизводству, в отличие от всех прочих, многообразных внесудебных форм урегулирования конфликтов (медиации, онлайн-урегулирования споров, переговоров, досудебного урегулирования и проч.).

В литературе можно встретить подходы, основанные если не на отождествлении религиозных и третейских судов, то на мнении об их определенном сходстве. Например, Л.Р. Сюкияйнен пишет, что российское законодательство предусматривает формы, в которых может быть реализована шариатская модель правосудия и разрешения споров о праве. Ученый полагает, что шариатские суды могут создаваться и функционировать в соответствии с законодательством о третейских судах¹⁶.

Однако третейский суд, в отличие от любого общественного образования, каковым является религиозный суд, действует исключительно в правовом поле, т.е. рассматривает и разрешает конфликты, регулируемые правом, и при этом применяет не религиозные установления, а правовые нормы, законодательство Российской Федерации. Как и решение государственного суда, третейское решение должно быть принято на основании действующего законодательства. Решения религиозных судов в отличие от решений третейских судов не обеспечены возможностью применения мер государственного принуждения именно потому, что действуют в соответствии с религиозными догмами, а не светским законодательством.

¹⁵ Радаева С. В. Нетрадиционные органы в истории российского правосудия: особенности юридических технологий их деятельности // Образование и право. 2020. № 6. С. 388.

¹⁶ См.: Сюкияйнен Л. Р. Шариатские суды: современная практика и перспективы в России // Право. Журнал ВШЭ. 2014. № 4. С. 56.

Однако в отличие от государственных судов третейский суд обладает ограниченной компетенцией. Это связано с его частноправовой природой, не позволяющей ему разрешать правовые конфликты, возникающие в сфере публичных правоотношений.

Как писал А.И. Вицын, если «третейский суд — это суд частного лица, то естественно ожидать, что законодательство не допустит его по делам, которыми ближе всего заинтересовано само государство. Этим исключаются из ведомства третейского суда дела уголовные»¹⁷.

В соответствии с ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 15 декабря 2015 г. «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»¹⁸ в арбитраж (третейское разбирательство) по соглашению сторон могут передаваться споры между сторонами гражданско-правовых отношений, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Вместе с тем само понятие «гражданское правоотношение» является законодательно не определенным.

Действующее российское законодательство не имеет четкого разграничения гражданских и, например, административных правоотношений. Содержание Гражданского кодекса РФ свидетельствует о том, что гражданскими признаются как частноправовые, т.е. основанные на равенстве их участников, так и публично-правовые, т.е. основанные на отношениях власти и подчинения, правоотношения. Несмотря на провозглашенный в тексте ст. 124 принцип равенства субъектов гражданских правоотношений, нормы Гражданского кодекса РФ регулируют широкий спектр отношений, основанных на властном подчинении одной стороны другой — например, отношения по принудительному изъятию земельных участков для государственных и муниципальных нужд, отношения, связанные с заключением и реализацией государственных контрактов и т.п.

Основные признаки публичных правоотношений определены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»: «К административным делам, рассматриваемым по правилам КАС РФ, относятся дела, возникающие из правоотношений, не основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, в рамках которых один из участников правоотношений реализует административные и иные публично-властные полномочия по

¹⁷ Вицын А. И. Третейский суд по русскому праву, историко-догматическое разсуждение. М., 1856. С. 15, 16.

¹⁸ См.: СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. 1), ст. 2.

исполнению и применению законов и подзаконных актов по отношению к другому участнику»¹⁹.

При этом ряд дел исключен Пленумом Верховного Суда РФ из категории публично-правовых: «не подлежат рассмотрению по правилам КАС РФ служебные споры, в том числе дела, связанные с доступом и прохождением различных видов государственной службы, муниципальной службы, а также дела, связанные с назначением и выплатой пенсий, реализацией гражданами социальных прав, дела, связанные с предоставлением жилья по договору социального найма, договору найма жилищного фонда социального использования, договору найма специализированного жилищного фонда. Не подлежат рассмотрению по правилам КАС РФ не связанные с реализацией публичных полномочий дела по внутрикорпоративным спорам, возникающим между адвокатами и адвокатскими палатами, нотариусами и нотариальными палатами, медиаторами и постоянно действующим коллегиальным органом управления саморегулируемой организации медиаторов, а также между членами и органами управления иных саморегулируемых организаций, которые подлежат разрешению в исковом порядке» (п. 1, 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 г. № 36).

Одной из эпохальных правовых позиций Конституционного Суда РФ стало решение им вопроса о компетенции третейских судов, в т.ч. применительно к спорам публично-правового характера. Поводом послужило обращение в Конституционный Суд РФ Высшего Арбитражного Суда РФ с запросом о праве третейских судов разрешать споры о правах на недвижимость.

Высший Арбитражный Суд РФ полагал, что указанные споры ввиду установленной законом регистрации перехода права собственности на недвижимость и сделок с ним имеют публично-правовой характер и в силу этого третейскими судами разрешаться не могут.

В литературе справедливо отмечают, что, несмотря на это «судебная практика по оспариванию решений третейских судов по спорам о признании права собственности на недвижимость и выдаче исполнительных листов на их принудительное исполнение в рамках системы арбитражных судов не характеризовалась единообразием: в одних случаях суды выдавали исполнительные листы на принудительное исполнение решений третейских судов о признании права собственности на недвижимость и имущество, в других — прямо указывали на неарбитрабельность таких споров»²⁰.

¹⁹ См.: Росс. газ. 2016. 3 окт.

²⁰ Петренко О. В. Признание права собственности на недвижимое имущество в третейских судах // Имущественные

Следует признать, что рассмотрение вопроса о компетенции третейских судов в сфере гражданской юрисдикции на столь высоком уровне явилось следствием известной ученым и практикам «конкуренции» позиций Высшего Арбитражного Суда РФ с устоявшейся и отработанной практикой толкования и применения гражданского законодательства Верховным Судом РФ. При этом, как отметил А. В. Габов, «ограничение возможности рассматривать какие-либо споры в третейском суде должно иметь действительно серьезные основания»²¹.

Конституционный Суд РФ, рассмотрев вопрос о праве третейских судов рассматривать дела по спорам о правах на недвижимое имущество, подтвердил в уже упоминавшемся Постановлении № 10-П 2011 г. наличие компетенции третейских судов в этом вопросе, несмотря на то что сделки о правах на недвижимое имущество и сам переход права собственности на него подлежат государственной регистрации. При этом Конституционный Суд РФ разграничил собственно гражданско-правовые сделки о правах на недвижимое имущество (которые могут быть предметом третейского разбирательства) и правоотношения в связи с государственной регистрацией прав на недвижимое имущество и сделок с ним (споры из которых не подлежат рассмотрению третейскими судами).

Вместе с тем к числу публично-правовых дел отнесены те из них, которые возникают в связи с реализацией субъектами частного права публичных полномочий.

Компетенция третейского суда напрямую связана с его природой и ею ограничена, — не имея публично-правовых полномочий, он не вправе разрешать дела в сфере отправления публичной власти.

Основным и единственным критерием разграничения частноправовых и публично-правовых дел является участие в спорном правоотношении субъекта, обладающего публичными полномочиями и реализующего эти полномочия в рамках данного правоотношения. Не являются публичными правоотношения, основанные на подчинении одной стороны другой, если это подчинение имеет своим основанием гражданско-правовое соглашение (корпоративные правоотношения, трудовые и проч.).

Как и государственный суд, суд третейский самостоятельно решает вопрос о том, входит ли в его компетенцию рассмотрение конк-

отношения в Российской Федерации. 2016. № 1 (172). С. 83.

²¹ Габов А. В. Подведомственность корпоративных споров третейским судам (к дискуссии о проектах законов, направленных на реформирование законодательства о третейских судах) // Журнал рос. права. 2015. № 3. С. 50.

ретного дела. Это правило называется «принцип компетенции-компетенции».

Как известно, определение об отказе в принятии искового заявления судом общей юрисдикции или арбитражным судом может быть обжаловано в суд вышестоящей инстанции. Аналогичным образом определение третейского суда по вопросу его компетенции может быть обжаловано заинтересованным лицом в государственный суд.

В науке широко обсуждался вопрос о критериях определения наличия у третейского суда компетенции рассматривать то или иное дело. Предлагались различные подходы: наличие заключенного сторонами соглашения о передаче дела в третейский суд; частноправовая природа конфликта и проч.²² Представляется, что следует различать основание для передачи дела третейскому суду (его частноправовая природа) и условие его принятия третейским судом (наличие действительного третейского соглашения). Вопрос о наличии или отсутствии у третейского суда рассматривать конкретное дело должен решаться с учетом обоих указанных критериев.

* * *

В целом можно констатировать следующее. Во-первых, третейский суд занимает самостоятельное место в системе органов, осуществляющих защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав. Это единственный субъект частного права, поставленный законодателем в равное положение с государственными судами – органами публичной власти, осуществляющими правосудие. В соответствии с указанием ст. 11 ГК РФ суд общей юрисдикции, арбитражный и третейский суд составляют систему органов, обеспечивающих защиту гражданских прав.

Во-вторых, третейский суд – это единственная альтернатива государственному судопроизводству. Наличие ставшего обязательным решения третейского суда «преграждает путь» в государственный суд. Ни одна другая из форм т.н. «альтернативного разрешения споров» – медиация, переговоры, онлайн-урегулирование и проч. – не имеет альтернативного характера.

В-третьих, третейское разбирательство нельзя смешивать с различными видами «общественного правосудия» – религиозными судами, комиссиями по разрешению споров при предприятиях, товарищескими судами. В отличие от них, третейское разбирательство осуществляется в соответствии с нормами действующего российского законодательства

и по этой причине на решение третейского суда может быть выдан исполнительный лист. Все эти аргументы свидетельствуют о востребованности третейского судопроизводства, что предопределяет актуализацию работы по дальнейшей институализации правового статуса третейского суда в юрисдикционной системе Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арбитражный процесс: учеб. / отв. ред. В.В. Ярков. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 211.
2. Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. СПб., 1894. Вып. 1. Введение и общая часть. С. 168, 169.
3. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 2.
4. Вицын А.И. Третейский суд по русскому праву, историко-догматическое разсуждение. М., 1856. С. 15, 16.
5. Габов А.В. Подведомственность корпоративных споров третейским судам (к дискуссии о проектах законов, направленных на реформирование законодательства о третейских судах) // Журнал рос. права. 2015. № 3. С. 50.
6. Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. 5-е изд., испр. и доп. СПб., 1913. С. 154.
7. Графский В.Г. Принципы законности и справедливости в истории законодательства России и западноевропейских государств // Труды ИГП РАН. 2019. Т. 14. № 6. С. 15.
8. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 178.
9. Михайлова Е.В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и несудебные). М., 2017.
10. Научно-практический комментарий ГПК РСФСР / под ред. Р.Ф. Каллистратовой, Л.Ф. Лесницкой, В.К. Пучинского. М., 1976. С. 572.
11. Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. 3-е изд. М., 1908. С. 342.
12. Петренко О.В. Признание права собственности на недвижимое имущество в третейских судах // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. № 1 (172). С. 83.
13. Радаева С.В. Нетрадиционные органы в истории российского правосудия: особенности юридических технологий их деятельности // Образование и право. 2020. № 6. С. 388.
14. Скворцов О.Ю. О конституционных основаниях рассмотрения третейскими судами и международными коммерческими судами споров с публич-

²² См. подр.: Михайлова Е.В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и несудебные). М., 2017.

- ным элементом // Вестник СПбУ. Сер. 14. 2011. Вып. 2. С. 76.
15. *Сюкияйнен Л. Р.* Шариатские суды: современная практика и перспективы в России // Право. Журнал ВШЭ. 2014. № 4. С. 56.
 16. *Чечина Н. А.* Избр. труды по гражданскому процессу. СПб., 2004. С. 85.
 17. *Чечот Д. М.* Избр. труды по гражданскому процессу. СПб., 2005. С. 11.
 18. *Шершеневич Г. Ф.* Наука гражданского права в России. Казань, 1893. С. 77.
 19. *Явич Я. С.* К вопросу о предмете и методе правового регулирования // Вопросы общей теории советского права. М., 1960. С. 58.
8. *Korkunov N. M.* Lectures on the General theory of law. SPb., 2003. P. 178 (in Russ.).
 9. *Mikhailova E. V.* Procedural forms of protection of subjective civil rights, freedoms and lawful interests in the Russian Federation (judicial and non-judicial). M., 2017 (in Russ.).
 10. Scientific and practical commentary of the CPC of the RSFSR / ed. by R. F. Kallistratova, L. F. Lesnitskaya, V. K. Puchinsky. M., 1976. P. 572 (in Russ.).
 11. *Nefediev E. A.* Textbook of Russian civil procedure. 3rd ed. M., 1908. P. 342 (in Russ.).
 12. *Petrenko O. V.* Recognition of ownership of immovable property in arbitration courts // Property relations in the Russian Federation. 2016. No. 1 (172). P. 83 (in Russ.).
 13. *Radaeva S. V.* Non-traditional bodies in the history of Russian justice: features of legal technologies of their activity // Education and Law. 2020. No. 6. P. 388 (in Russ.).
 14. *Skvortsov O. Yu.* On the constitutional grounds for consideration by arbitration courts and international commercial courts of disputes with a public element // Herald of SPbU. Ser. 14. 2011. Issue. 2. P. 76 (in Russ.).
 15. *Syukiyainen L. R.* Sharia courts: modern practice and prospects in Russia // Law. Journal of Economics. 2014. No. 4. P. 56 (in Russ.).
 16. *Chechina N. A.* Selected works on civil process. SPb., 2004. P. 85 (in Russ.).
 17. *Chechot D. M.* Selected works on civil process. SPb., 2005. P. 11 (in Russ.).
 18. *Shershenevich G. F.* Science of Civil Law in Russia. Kazan, 1893. P. 77 (in Russ.).
 19. *Yavich Ya. S.* On the subject and method of legal regulation // Questions of the General theory of Soviet law. M., 1960. P. 58 (in Russ.).

REFERENCES

Сведения об авторах

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

МИХАЙЛОВА Екатерина Владимировна – доктор юридических наук, доцент, и.о. заведующей сектором процессуального права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

VINOGRADOVA Elena V. – Doctor of Law, Professor, chief researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

MIKHAILOVA Ekaterina V. – Doctor of Law, associate Professor, Acting Head of the Procedural Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia